

а ум наш убогий еще не устал...
 Еще конец краегранесии и стал,
 а любовный союз еще не престал...¹⁸

Конечно, говорить об устойчивых навыках в пользовании акростихом среди русских образованных людей XVII в. не приходится: иначе трудно объяснить почти неизменную порчу акростиха в поздних списках посланий (часто он искажается до неузнаваемости); трудно также в противном случае истолковать факт использования акростишного принципа в шифрованной переписке царя Алексея Михайловича.¹⁹

Итак, акростих доступен корпорации посвященных, «любомудрецов» и «философов». Это — один из элементов литературной игры, утаенный от невежественных глаз реальный прозаический адрес. Другой элемент — непременно иносказательные характеристики получателя и отправителя в стихотворном тексте. Здесь встречаются различные типы анаграммы, а особенно часто — этимологическое описание имен. Иногда иносказательные характеристики выводятся за пределы эпистолии и образуют «литературный адрес», который никак не мог служить практической цели. В рукописях он помечается как «подпись»:

Дати сие посланейце великия Росийския державы,
 ея же воистинну мнози желают видети пременитыя славы,
 во именитом и славном от градов, во граде Казани,
 о ней же некогда многия сотворишася победительныя брани,
 в честнии руже священноиерею, тезоименитому дару божию,
 предстоящу и молящуся всегда святому подножию,
 рождышаго же имеющу соименна «миру»,
 подобает нам и всем тщитися к духовному пиру.²⁰

Этот «литературный адрес» не может существовать без акростишной фразы: «Священноиерею Феодору Козмичю поп Стефан (Горчак, — А. П.) челом бие». Из «литературного адреса» имя казанского священноиерея с полной уверенностью не угадать, ибо «дар божий» отсылает нас не только к Федору, но и к Дорофею.

Литературная игра, функционально связывающая конкретные, но скрытые от непосвященного данные прозаического акростиха, и сообщенное «открытым текстом» иносказание, — эта игра была одним из жанрообразующих факторов в стихотворных эпистолиях приказной школы. Кроме того, акростих влиял на размер текста, потому что число стихов послания как минимум равно числу букв в акростихе. Между тем акростишная фраза бывала достаточно большой, так как она сохраняла титулярные элементы, в особенности если послание направлялось значительному человеку. Естественно, что титулярная формула по возможности выдерживалась при обращении к царю: «Преславному и благочестивому господарю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси и самодержцу радоватися».²¹ Здесь 100 букв, и это не предел.

Необходимость заполнить заранее заданное стиховое пространство придает посланиям приказных авторов несколько монотонный оттенок. В них мало информации, а часто они превращаются в набор литературных клише, в венок уподоблений, кочующих из одного памятника в дру-

¹⁸ Л. С. Шептаев. Стихи справщика Савватия. ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 13—15.

¹⁹ См.: ЛЗАК за 1885—1887 гг., вып. 10. СПб., 1895, отд. II, стр. 38.

²⁰ ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 217 об. (298 об.).

²¹ Л. С. Шептаев. Стихи справщика Савватия, стр. 25—27.